

вить къ лучшему, обративъ напимѣръ чувство зависти въ соревнованіе. Распорядокъ его дня примѣненъ къ цѣлямъ самовоспитанія, даже поэзіи отведены особые часы.

Эта черта за нимъ осталась. Какъ систематически онъ себя изучалъ, такъ совѣтовалъ дѣлать и другимъ, ему близкимъ и милымъ: дарить графинѣ Самойловой «бѣлую книгу», въ которой набросалъ нѣсколько назидательныхъ мыслей, съ тѣмъ, чтобы она наполнила ее своими собственными, о себѣ и для себя; подносить цесаревичу альбомъ, подаренный ему наслѣдникомъ прусскаго престола, и просить: заносите въ него «мысли, кои могутъ быть вамъ полезны и изъ коихъ можете со временемъ составить себѣ коренныя, но необходимыя правила поступковъ, какъ нравственныхъ, такъ и государственныхъ». У него ранняя любовь къ «таблицамъ», что пригodiлось ему, какъ воспитателю, но знаменательно и для поэта: у него есть порядокъ и въ фантазіи. Романтики любили безпорядокъ.

Съ этой мечтательной и вмѣстѣ педантичной программой онъ вступилъ въ жизнь, съ рѣшимостью заработать себѣ скромное счастье, съ требованіями возвышающей любви и той особой дружбы, чуткой, женственно-отдающей и взыскательной, которая колеблется на порогѣ любви и пріязни. Такое чувство связало молодого поэта еще на школьной скамьѣ съ Андреемъ Тургеневымъ, но онъ скончался юношей, и Жуковский чувствуетъ себя одинокимъ, тревожно оглядывается въ кружкѣ товарищей, ищетъ въ нихъ опоры чувству, воспитываетъ ихъ въ идеальной дружбѣ, какъ воспитываетъ въ себѣ вѣру, сознавая, что для той и другой онъ и самъ еще не созрѣлъ. А тамъ на смѣну дружбѣ явилась привязанность къ дѣвочкѣ, племянницѣ по отцу, М. А. Протасовой, которой онъ давалъ уроки; къ этому зародившемуся чувству онъ относится цѣломудренно-пугливо, а оно росло съ годами, становилось взаимнымъ, и онъ бережетъ его, чистое и не страстное, сдержанно млѣя. Ему уже мерещится, что призракъ любви въ семьѣ станетъ былью, но мать Протасовой отказала въ рукѣ дочери подъ